

Наверняка ведь так? Когда умерла его собственная матушка, он горевал очень долго. На душе у его господина сейчас, должно быть, точно так же, как у него тогда.

Эх...

Ван Чанцзинь тяжело вздохнул, посидел немного у дверей, а затем поднялся, отряхнул пыль со штанов и собрался идти спать.

Ночь уже глубоко вступила в свои права, все слуги в поместье давно разошлись по своим комнатам, так что в огромном Поместье вана воцарилась необычайная тишина.

Ван Чанцзинь шел обратно, держа в руке тускло светящийся желтый фонарь. Поначалу все было спокойно, но по мере того как он шел, ему показалось, будто сзади доносятся неровные, шаркающие шаги. Он остановился и обернулся.

Позади него во тьме брела высокая темная фигура. Она покачивалась при ходьбе, словно человек был мертвецки пьян.

— Кто здесь? — спросил Ван Чанцзинь.

Силуэт не ответил, продолжая нетвердой походкой приближаться к нему. Видя, что незнакомец уже совсем близко, Ван Чанцзинь поднял фонарь повыше. Когда же он разглядел подошедшего, у него перехватило дыхание.

— Ва... ван...?

Ван Чанцзинь на мгновение оцепенел, а придя в себя, инстинктивно попытался опуститься на колени для земного поклона.

Не успел он шевельнуться, как Чжан Жоюань протянул руку и крепко сжал запястье Ван Чанцзиня своей сильной ладонью — так сильно, что тот почувствовал боль.

С тихим стуком фонарь выпал из его рук на землю.

Чжан Жоюань пристально, не мигая, смотрел на Ван Чанцзиня. От этого взгляда у Ван Чанцзиня затылок онемел, а сердце забилось чаще. Мужчина долго смотрел на него, а затем вдруг повалился вперед, прямой и негнувшийся, точно бамбуковый шест, и рухнул прямо на Ван Чанцзиня.

Ван Чанцзинь округлил глаза и резко затаил дыхание.

Тело Чжан Жоюаня плотно прижалось к Ван Чанцзиню. Жар его тела и сладковатый аромат вина тонкими нитями окутали юношу, полностью поглощая его. Ван Чанцзинь замер, боясь даже вздохнуть. Его тело окоченело, словно деревяшка, он не смел даже шелохнуться.

Хотя Чжан Жоюань ровным счетом ничего не делал, Ван Чанцзинь залился краской от смущения, а его тело словно охватило пламенем.

Ван Чанцзинь простоял так долго, что его ноги затекли и онемели, но Чжан Жоюань так и не пошевелился. Ван Чанцзинь засомневался, не заснул ли тот. Он слегка шевельнулся и тихо позвал:

— Господин, не могли бы вы отпустить вашего слугу?

— Не двигайся.

Чжан Жоюань, не открывая глаз, положил подбородок на плечо Ван Чанцзиня. Опираясь на него, он неразборчиво пробормотал голосом, который могли услышать только они двое:

— Не двигайся... Позволь мне опереться на тебя, хотя бы ненадолго...

Ван Чанцзинь тут же выпрямился, напрягся всем телом и замер как вкопанный, не смея больше шевелиться.

Он простоял так еще какое-то время, как вдруг услышал, что его господин всхлипывает.

— Матушка... Я так скучаю по тебе... Твой сын не проявил должного сыновнего почтения... Твой сын виноват перед тобой...

У Ван Чанцзиня защемило в носу, а глаза мгновенно покраснели от подступивших слез.

Теперь он понял. Его господин, который никогда прежде не притрагивался к спиртному, сегодня напился до беспамятства именно потому, что сокрушался из-за кончины Вдовствующей наложницы Жун.

Хотя в последние три года он не прислуживал господину лично, он часто ловил себя на мысли, что на душе у Чжан Жоюаня все это время наверняка было невыразимо горько. Никто не знал лучше Ван Чанцзиня, сколько бедствий и лишений перенес его господин на этом пути. Все видели лишь его блеск и величие, но кто мог разглядеть глубокую печаль, скрытую в его сердце?

Чем больше Ван Чанцзинь думал об этом, тем больнее ему становилось. Сердце словно сжала невидимая гигантская рука, лишая возможности дышать.

Когда умирала его собственная мать, он, по крайней мере, был рядом с ней в ее последние минуты. Но его господин... Он ведь даже не смог увидеться со своей матерью в последний раз...

<http://bllate.org/book/21904/2275537>